

СЛАВ МАКЕДОНСКИЈ

ТРОПОЈУ

МЕТОДИЈ ТАШКОВ

ДРУЖБЫ

ЕВДОКИЈА ЦЕНКОВА

СЛАВ МАКЕДОНСКИЙ

ТРОПОЮ

МЕТОДИИ ТАШКОВ

ДРУЖБЫ

ЕВДОКИЯ ЦЕНКОВА

КАЗАХСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
АЛМА-АТА — 1961

В строительстве Казахстанской Магнитки принимала участие и болгарская молодежь — молодые коммунисты и посланцы Димитровского Коммунистического Союза Молодежи.

О жизни на Казахстанской Магнитке, труде, дружбе советской и болгарской молодежи рассказывает книга «Тропою дружбы».

Авторы книги — болгарские рабочие, строители Казахстанской Магнитки.

Македонский С., Ташков М. и Ценкова Е.

ТРОПОЮ ДРУЖБЫ. Рассказы и очерки.
Алма-Ата, Казгослитиздат. 1961.

120 с.

Редактор Н. Муханова.

Худож. редактор Н. Гаев.

Художник А. Вяльцев.

Техн. редактор С. Лепесов.

Корректор М. Кац.

Сдано в набор 24/X-1961 г. Издат. № 358. Подписано к печати 11/XII-1961 г. УГ08528. Бумага 70×90¹/₃₂—3,75 п. л.=4,38 усл.-п. л. (Уч.-изд. л. 4,4). Тираж 8 000 экз. Цена 13 коп.

г. Алма-Ата, Полиграфкомбинат Главиздата Министерства культуры КазССР. Заказ 2056.

В Темир-Тау, в некогда пустынной степи, вырос гигант черной металлургии страны — Казахстанская Магнитка. Его возводила молодежь более тридцати национальностей Советского государства.

В строительстве Казахстанской Магнитки принимала участие и болгарская молодежь — тысяча двести посланцев болгарского народа: молодые коммунисты и члены Димитровского Коммунистического Союза Молодежи. Рука об руку с советской молодежью они прошли мужественную трудовую школу — от закладки первой доменной печи имени 40-летия ВЛКСМ до ее пуска в эксплуатацию. В совместном труде крепла советско-болгарская дружба, закалялись характеры людей. Дружба крепла повсюду: на строительной площадке, в школе и в часы отдыха.

Болгарская молодежь многому научилась у советских друзей. Большинство строителей стали квалифицированными рабочими, мастерами своего дела, научились осваивать передовую технику, а по вечерам учились в средних и высших учебных заведениях. Тот богатый и многогранный опыт и знания, которые болгарская молодежь приобрела на Казахстанской Магнитке, будут применены и умножены на новостройках социалистической Болгарии.

О жизни на Казахстанской Магнитке, о труде и дружбе советской и болгарской молодежи, героических делах строителей, об их духовном росте рассказывает книга очерков и рассказов «Тропойо дружбы».

Авторы книги — непосредственные строители Казахстанской Магнитки. Они работали бетонщиками, монтажниками, крановщиками, а по вечерам сидели писать о том, что их волновало, что их восхищало.

СЛАВ МАКЕДОНСКИЙ

ТРОПОЮ ДРУЖБЫ

Если вы пойдете вдоль горной речки по крутой и стремительной тропинке, то на холме увидите два больших памятника. Мрамор одного — синевато-черный, на вершине железный крестик. Давным-давно поставили его люди. Немного позже то-

го, как русские солдаты освободили Болгарию от турецкого ига. И вот уже около сотни лет стоит этот памятник русскому солдату, а вокруг него цветут цветы. Правда, когда нашу землю топтали немецкие сапоги, цветы исчезли.

В тысяча девятьсот сорок четвертом году на холме возле памятника остановились советские танки. Из них выскочили солдаты. К памятнику собралось все наше село. Говорили такие слова, пели такие песни, которых вовек не забудешь.

А потом возле первого памятника поставили второй — солдат с опущенным автоматом. На пилотке бойца яркая звездочка.

Цветут цветы. На широкой зеленой полянке играют дети, а небо такое синее!

Проходя по этой тропинке, вы не можете не увидеть и водную электростанцию. Веками наша река впустую билась о камни, а вот однажды на ее высоких берегах остановился светловолосый парень, указал рукой на водопад и... спустя год старушки с недоверием спрятали прокопченные керосиновые лампы. Светло стало у нас в домах и на душе. А надо сказать, что парень этот был русский.

И когда на моей родине пронеслась весть о том, что десять тысяч болгарских юношей и девушек едут в Советский Союз на стройки коммунизма, работать и учиться у своих старших братьев, то моя мать, которая никогда в жизни не видела русскую землю, а о России пела мне песни, привела меня на холм, посмотрела на памятник и сказала:

— Иди, сынок!.. Мы должны хоть немного отблагодарить...

ПОВЕСТЬ О ТВОРЦЕ-СТРОИТЕЛЕ

Жил в болгарском городке Габрово парень с серыми глазами и теплой, доброй улыбкой, работал снабженцем. А теперь он далеко-далеко, за морями и землями, на строительстве в казахстанских степях.

Не так давно инженер Медведев спросил его:

— Как зовут тебя, дружок?

— Пройно Христов...— ответил только что прибывший молодой строитель.

— А что ты умеешь делать?

Он ничего не умел, ему хотелось творить, хотелось воздвигать большие дома со светлыми окнами. Ему бы только немного подучиться, и он будет строить этот красивый город. Вокруг него люди — а люди — его друзья. Они научат всему, они сделают из него — неумелого парня — строителя.

— Смотри! Кирпич кладется так...— показал ему инженер.— Крупные блоки — вот так...— Хорошо, дружок! Прямо молодец! Мы из тебя бригадира сделаем, настоящего бригадира! Держись!

Проходили дни. Катились месяцы... Руки загрубели. Тверже почувствовал под ногами почву Пройно.

Однажды к нему пришел инженер.

— Вот что, друг мой... Со всех концов едут к нам на Магнитку комсомольцы... Через месяц-полтора приедет еще три тысячи. А куда их поселить? Стань волшебником, собери за это время там — за сопкой семь домов... Не приказывал бы я тебе и не просил бы... Но сам понимаешь...

Он понимал. Он все понимал. Но были в бригаде и ребята, которые говорили другое:

— Тебе легко обещать... Можешь даже со стороны смотреть, а мы?... Как буйволы... тяни!

Он понимал и этих ребят, он все понимал и не знал, что делать...

И так как свои слова найти было трудно, он повторил слова инженера...

— Я вам не приказываю... Я прошу вас... Сами понимаете... Я домой не уйду, я здесь буду. Пока силы есть, строить буду!

Темнело. Рассветало. Он не снимал рабочего комбинезона и сапог. Он знал теперь одну дорогу: дом, площадка, столовая и обратно. Красивое лицо обросло, серые глаза потемнели... Он стал молчаливым, перестал замечать знакомых. Все его мысли были о досках, инструментах. И только, когда очередной дом заканчивали, он чуть-чуть улыбался, а потом снова забывал об окружающем, терял представление о времени...

— Извелся...— шептали ребята.— Тень, а не человек...

Потом перестали шептаться. Они тоже уже не имели представления о времени, а ребята с других участков в свою очередь говорили о них:

— Извелись хлопцы.

На сороковое утро Проyno опустил руки, выронил молоток. Тихонько присел на деревянную лестницу, обнял колени и заснул. Шум не мешал ему, он привык к гулу стройки, к реву моторов... Да и как же он устал, сколько недоспал за все это время! И вот на сороковое утро он спал, сидя на лестнице.

А в это время в дом пришли первые жильцы-новички из тех самых трех тысяч строителей. Они остановились у лестницы седьмого дома и с удивлением смотрели на спящего. Им объяснили:

— За сорок дней его бригада смонтировала семь домов...

Новоселы пытались разбудить его, сказать ему слово благодарности. Но он по-прежнему не просыпался. Тогда на ступеньку к Проينو присела синеглазая девчонка, стройная и нежная, как весенняя березка. Она не кричала, она тихо и ласково шепнула на ухо.

— Друг, а друг... проснись... Это я, Зина... Пойдем я провожу тебя домой, тебе отдыхать нужно...

Что сделал этот тихий шепот? Проино проснулся, схватился за молоток и пилку и, еще не окончательно придя в себя, заговорил:

— Нет, нет... Мне отдыхать нельзя... Люди приезжают... Им жить негде!

Но девушка ласково в ответ:

— Мы уже приехали... Есть где жить... Спасибо вам...

* * *

В этот день она ему сказала «спасибо», при следующей встрече говорила другие ласковые слова. А однажды, когда весной они гуляли в степи и он поцеловал ее, она назвала его милым... Потом они поженились...

И опять парень возвращался со стройки поздно, уставший и счастливый.

— У всех мужья, как мужья, а я словно кукушка, одна дома вечерами...— тихо сказала как-то Зина.

Он не утешал ее:

— Привыкай, Зиночка... Когда на пенсию выйду, все время с тобой дома буду.

Шли дни. Шли. Шли...

За плечами Про́йно уже десятки построенных домов, сотни квартир. Он иногда подсчитывает на пальцах:

«В восемьдесят седьмом квартале — семь домов: там я с моей женой познакомился... В восемьдесят четвертом квартале — два дома, в сто семнадцатом — девять домов, в сто десятом — три... Это когда мы с Зиной поженлись... В сто седьмом квартале...»

По вечерам он идет по улицам и с улыбкой смотрит на освещенные окна. За окнами кипит жизнь, смеются люди, играют дети, поливают цветы, а Про́йно радуется. Это его труд. Счастье этих людей — его счастье.

Шли дни. Шли. Шли.

За три года бригада Христова построила целый городок: в его домах живет около семи тысяч человек. Весной люди распахивают окна и радуются солнечному дню. — А ведь эти дома собирал он, эти окна вставляла его бригада. И ветер дул им в лицо, и дождь лил на них. А теперь многие и не знают, кто это строил, не знают его — Про́йно Христова. Ну, ничего — он не требует наград, не гонится за почетом, все, что ему надо — это большая работа и маленькая комнатка, в которой они будут жить с Зиной... Да, комнатка... Сколько раз спрашивали Про́йно:

— А как у тебя с жильем?

Он отвечал:

— Хорошо.

А дома успокаивал Зину:

— Вот закончим следующий дом и я попрошу начальника, чтобы нам дали большук-большую квартиру...

Все росло число домов, которые построила бригада Христова: пять... восемь... тринадцать... девятнадцать... двадцать три... А Проyno утешал жену все теми же словами:

— Вот закончим следующий дом...

Есть такой парень: высокий, темноволосый, с большими серыми глазами и доброй, солнечной улыбкой. Вы его, наверное, встречали, но не слышали о нем. А он наш хороший друг, и я решил рассказать о нем, о строителе, о творце, в этой небольшой повести.

НАЧАЛО ЛЕТОПИСИ

(Из дневника инженера)

Летописец стройки инженер В. С. записал ровным почерком в толстую тетрадь с коричневой обложкой:

4 XII—57 года.

Сегодня... часа.... минут был заложен первый кубометр бетона в фундамент Карагандинского металлургического завода...

В закладке фундамента первой казахстанской доменной печи участвуют пять бригад бетонщиков. Три из них — болгар-

ские. Бригадир одной из них Антон. Он и уложил первую лопату бетона. Спросил, как его фамилия.

— Антон Стоев Водиченский.

Парень мне понравился. Высокий, стройный, с продолговатым лицом и большими умными глазами. Я узнал, что в Болгарии он работал техником-строителем, а здесь, в Темир-Тау, принят в заочный строительный институт.

4 XII—57 года.

Ночью повалил снег. Налетел холодный ветер. Завыли метели. По плану бетонирование должно быть закончено через четыре дня. В такое страшное время бетонировать немыслимо, но разве можно прекратить работы. Ведь до весны еще далеко. Тогда что же делать? Бетонный завод находится в четырех километрах. Бетон подвозят уже застывший, и он быстро замерзает. Снег засыпает котлован, мешает работе.

Инженер треста ничего не мог нам посоветовать. Бетонирование продвигается медленно. Трудно не только работать, но даже стоять на таком сильном ветру. Говорили мне как-то, что болгары не выдержат нашего сурового климата, а выходит совсем обратное. Бригада Антона держится мужественно, а сам бригадир совсем молодцом. Узнал еще кое-что об этом парне. Он из города Понова. Недавно приехала к нему молодая жена.

А буря все усиливается. Страшно поду-

мать, что столько кубометров бетона могут пойти на ветер. Из треста требуют, чтобы немедленно сообщили им, есть ли возможность продолжать бетонирование. Трудно, очень трудно найти какое-либо правильное решение, куда труднее, чем писать об этом в дневнике.

5 XII — 57 года.

Продолжаю свои записи.

Зашел в барак немного погреться у печки. Решил уж было звонить в трест и сообщить, что прекращаем бетонирование, но в это время в бараке появился Антон. На нем телогрейка, на ногах резиновые сапоги.

— Брезент! — коротко произнес он.

— Не понял.

— Очень нужен брезент! — повторил он.

— Для чего?

— Поставим над котлованом две огромные палатки. Одну над фундаментом печи, а другую над воздухонагревателями.

— Замечательная идея!

Сразу же позвонил в трест.

Палатки ставили болгары. Они работали в первой смене. Пусть Антон закончит бетонирование фундамента, и я буду настаивать в тресте, чтобы его назначили техническим руководителем одного из участков в Доменстрое. На стройке нужны именно такие люди.

Палатки огромные, словно гигантские шатры. Под ними спокойно могли бы разместиться два полка солдат. Путь ветру и

снегу прегражден. Но опасность окончательно не ликвидирована: мороз доходит до сорока градусов.

Но и тут Антону пришла снова идея.

— Поставим под брезентом паровые котлы?! Один, два, три... пять — сколько нужно. Пар ослабит силу мороза.

Бетонирование продолжается. А буря не прекращается. Уже третий день степной буря свирепствует над стройкой. Что стало бы без брезента? Паровые котлы топят непрерывно. От большого напряжения над одним из них нависла угроза взрыва. Антон лично руководит работой. Славный он парень, всегда там, где трудно. Ватник его порвался в нескольких местах, лицо посерело. Что мне больше всего нравится в нем, так это то, что он понимает стройку, ощущает ее всем своим сердцем. Да, славный, чудесный парень! Говорили с главным инженером. Он тоже обратил на него внимание и согласился назначить руководителем поднасосной станции.

6 XII — 57 года.

Машины с бетоном подходят одна за другой. Но мы вынуждены приостановить бетонирование до утра. И всему виной буря, которая к вечеру усилилась настолько, что добраться ночью до стройки было невозможно. Третья смена не явилась.

Бригада Антона Водиченского работала во вторую смену. В конце смены Антон подошел ко мне и сказал:

— Ребята решили остаться работать в третью смену...

Как мне хотелось обнять его в эту минуту и сказать всей бригаде какие-нибудь теплые-теплые слова.

— Может быть, не нужно? — спросил я, но Антон проговорил:

— Нам хотелось бы оставить после себя какую-нибудь славную запись в строительной летописи...

Всю ночь я провел с ними. Остались работать в третью смену и наши комсомольцы. Плечом к плечу русские и болгары преодолевали все трудности этой тяжелой ночи. А она действительно была тяжелой.

Безустали работал и сам Антон. На лице его лежала печать сильной усталости, около левого глаза нервно подергивалась жилка, но встречая чей-нибудь взгляд, он улыбался.

Глядя на эту ясную, чистую улыбку, я невольно вспоминал строчки из какого-то недавно прочитанного стихотворения:

И улыбка его, словно знамя,
За собою на подвиг зовет.

7 XII — 57 года.

Сегодня под вечер бетонирование фундамента первой доменной печи закончено. Правда, в конце работы один из паровых котлов взорвался. Но ничего. Начало славной летописи положено. Теперь доменная печь будет расти ввысь, к небесам, к солнцу. Болгарские строители вместе со своими советскими друзьями действительно вписали славную страницу в начало этой летописи.

ЦВЕТOK ДРУЖБЫ

Все началось очень просто.

Стоял солнечный весенний день. Я спустился с вершины домны и шел в столовую обедать. И тут же, на стройплощадке, увидел такую картину: красивая девушка убежала от высокого парня в рабочей куртке. Девушка смеялась звонко, приятно, и мне тоже стало весело. Но вдруг она остановилась и, закрыв руками глаза, начала хныкать:

— Петя, отстань... В глаза попало... Петя, прошу...

Петя, может, и не отстал бы от нее, если бы какой-то требовательный бас не позвал его:

— Петр, скорей сюда!

Парень побежал к домне, а девушка продолжала прикрывать руками глаза. Она еще раньше заметила, что я наблюдаю за ними, и теперь позвала меня.

— Молодой человек, идите сюда!

Я подошел.

— В глаза попало что-то... Поможете?

— Помогу! — сказал я, — вынул из кармана платок и приступил к спасательной миссии.

— Что это? — спросила она.